В. С. Кукушин С. В. Ерохин. - Литературное краеведение. Ч. 1. - Ростов н/Д. - 1997. - С. 101-114

Сергей Званцев

1893-1973

Сергей Званцев (Александр Исаакович Шамкович) родился в Таганроге в семье врача, лично знакомого с А. П. Чеховым» Учился в Таганрогской гимназии, поэтому неудивительно, что его творчество посвящено таганрогской жизни конца XIX-начала XX веков» Он тонко подметил быт и нравы провинциалов, поэтому несмотря на ряд неточностей, его книга "Были давние и недавние", вышедшая в московском издательстве "Советский писатель" в 1974 году, стала для таганрожцев настоящим бестселлером.

В своих повестях и рассказах С. Званцев описывает события и здания, реально существовавшие и случившиеся в нашем городе» Например, дворец Алфераки, описанный в одноименном рассказе, ныне занимает краеведческий музей». Тайный советник Поляков в одноименном рассказе - реальная личность, крупнейший банкир и предприниматель Таганрога» Его имя носит и сейчас село Поляковка в 18 километрах от города, а сам банкир-меценат встречается в романе Л.Н.Толстого "Анна Каренина" в роли Болгаринова».

Писательская наблюдательность и мудрость Званцева формировалась в многоликой среде: окончил юридический факультет харьковского университета, в 1920-1922; гг. служил в Красной Армии, в годы Великой Отечественной войны - в рядах Советской Армии. Фельетоны и юмористические рассказы начал печатать вскоре после окончания университета, но профессиональной литературной деятельностью С.Званцев занялся после 1935 года. Свыше четверти века он сотрудничал с журналами "Крокодил", "Огонек", создал множество миниатюр для Московского театра эстрады, руководимого Аркадием Райкиным, и для киножурнала "Фитиль".

Наиболее значимые книги С.Званцева, выпущенные в свет Ростовским издательством:

"Миллионное наследство", 1965;

"Включаем без предупреждения", 1964;

Веселое и не очень", 1968;

"По личному вопросу", 1970;

"Ничего смешного", 1973.

Сергей Званцев был не историком и не статистиком. Как художник слова он иногда заменял фамилии, иногда - названия, иногда нарушал хронологию событий, поэтому нынешнюю критику таганрогских краеведов не следует считать справедливой. В творчестве Званцева ценны влюбленность в родной город, его обитателей,умение передать колорит жизненного уклада таганрожцев. Детство писателя прошло в Таганроге, где он жил в доме № 31 на Итальянском пер.

Таганрогские были

А были ли эти были?

Да! Были?..

Таганрог - это не только город на берегу моря, это неиссякаемый очник странных и одновременно смешных и грустных историй. Некоторые них использовал в своих рассказах таганрожец Антон Павлович Чехов. Например? Например,"Маска","Лев и солнце" .- Помните? В русский город приехал персидский сановник, и у него выпрашивает орден "Льва и солнца" городской голова. Случилось это с таганрогским городским головой Фоти, и приводимые Чеховым насмешливые стихи "Я сам себя б

разрезал как барана, но извините, я осел", действительно были посланы по почте честолюбивому Фоти, а написал их секретарь городской управы. А "Степь"? А "Огни"? Да мало ли! "Свадьба", ожившая на экране кино, ведь тоже о таганрогском происшествии и таганрогских людях. Грек Дымба в действительности носил фамилию Стомати и каждый день таскался в лавчонку отца Антона Павловича, восхваляя Грецию. "У нас в Греции все есть"- это его фраза.

"Старец Вронди, лицом похожий на портрет Оффенбаха" из рассказа " Ворона"- подлинный человек. Я его знавал. Домик, в котором Вронди учил молодых людей танцам, и сейчас стоит на главной улице города. Пожалуй, надо дальше доказывать общеизвестную истину о том, что Чехов многое взял из таганрогской жизни, очень своеобразной, очень отличной от жизни российских городов...

Дворец Алфераки

Дворец, построенный купцом Алфераки, военным поставщиком русской армии в 1812 году, был и остается самым красивым зданием Таганрога. Зимний дворец в миниатюре: широкие монументальные двери, в которые можно въехать на тройке; стремящиеся ввысь окна, мраморные лестницы, двусветные залы, хоры; множество переходов и запасных комнат…

Спустя сто лет после постройки дом по-прежнему назывался в Таганроге «дворец Алфераки», хотя последний потомок поставщика камергер Михаил Николаевич Алфераки проживал в Петербурге, уже давно продав наследственный дом таганрогскому Коммерческому клубу.

Здесь, в нижнем зале с террасой, выходящей в большой сад, зимой устраивались танцевальные вечера, гремел на хорах оркестр, раздавалась команда распорядителей котильона. В соседних помещениях гостей привлекал буфет с горячительными напитками. А в задних комнатах шла азартная карточная игра в девятку. Местные греческие негоцианты, заезжие капитаны, офицеры таганрогской артиллерийской бригады из состоятельных и многие другие играли крупно.

В 1910 году за этим круглым столом красного дерева, сделанным еще руками крепостных столяров, местный молодой врач Д. И. Гордон проиграл в течение десяти минут санаторий с полным оборудованием и вполне на ходу. Дело било так: заезжий ремонтер ротмистр Буланов зашел вечером от нечего делать в клуб, сел за круглый «золотой» стол и заложил банк.

— В банке тысяча, — скучающим тоном провозгласил ротмистр и вынул из бумажника несколько крупных казначейских билетов. Толпившиеся за столом мазильщики почтительно переглянулись: в бумажнике было бумаг, по-видимому, на несколько десятков тысяч рублей. И в самом деле, ротмистру выдали для заготовки конского состава изрядный куш!

Победоносное движение по кругу рук банкомета, бьющего карту за картой, шло слева направо. Ротмистр обходил стол уже по второму разу. Подчиняясь закону геометрической прогрессии, ставка выросла гигантски.

— В банке восемьдесят тысяч! — стараясь оставаться равнодушным, провозгласил красный, как темляк на его палаше, ротмистр, обращаясь к очередному игроку — молодому врачу с черной бородкой. Это и был доктор Гордон, владелец и главный врач местного санатория для нервнобольных. Санаторий помещался в соседнем с клубам здании — прекрасном двухэтажном доме. Гордон брал за полный пансион и лечение неслыханно дорого: по десять рублей в сутки с персоны. Злые языки утверждали, что приютом в санатории пользовались не столько нервнобольные, сколько вполне здоровые влюбленные парочки из состоятельных. Так или иначе санаторий был популярен и славился, как вполне преуспевающее заведение.

— Ва-банк! — сказал Гордон перехваченным от волнения голосом. Он уже проиграл в этот вечер тысяч десять и был, как говорили игроки, «в запарке».

Ротмистр поднял на Гордона красные от прилива крови глаза и хрипло сказал: «Эклере!» — что значит «предъявите ваши деньги». Это было правом каждого игрока — требовать обеспечения ставки. Все же среди партнеров произошло некоторое движение: Гордон считался человеком со средствами. Впервые здесь, в клубе, он услышал такое обидное требование! Но Гордону было не до обиды.

— Ставлю свой санаторий! — поспешно объявил Гордон. Он опасался, что заезжий офицер потребует наличные, а кто же носит в кармане, разве кроме ремонтеров, такие суммы?!

— Санаторий? — ошалело переспросил офицер. — Какой санаторий?

Все кругом услужливо стали пояснять, что санаторий — вот он, рядом, из окон видно, и что он стоит уж во всяком случае не меньше, чем восемьдесят тысяч. Дотошливый ремонтер не поленился встать и посмотреть в окно. Высокое белоснежное здание произвело на него, видимо, отличное впечатление. Ему вдруг показалось, что стать владельцем санатория — это значит сразу превратиться из забубённой головушки в солидного и обеспеченного до старости человека.

— Идет! — крикнул ротмистр и дал карту.

Все, затаив дыхание, глядели на его выхоленные руки с короткими толстыми пальцами. Раз-два, раз-два. Партнеру — себе, еще раз партнеру, опять себе. Гордон судорожно схватил свои две карты, но ротмистр уже успел бросить на стол восьмерку и туза.

— Девять! — торжествующе крикнул он. Гордон побледнел, заглянул в свои карты, уронил их, и они, медленно планируя в воздухе, упали на пол. Все молчали.

— Когда прикажете получить? — спросил офицер, с беспокойством глядя на обморочное лицо доктора.

Все вокруг загалдели:

— Вы имеете дело с порядочным человеком, что такое! Завтра поедете к нотариусу оформить дарственную, вот и все! А сейчас оставьте доктора в покое!

Гордон и в самом деле нуждался в покое. Он встал и молча пошел прочь. Ротмистр засунул в карманы выигрыш и поспешил следом.

«Надо было наперед потребовать хоть расписку, что ли! — горестно думал ремонтер. — Что с него возьмешь, если окажется плутом!»

Офицер вышел на улицу. Он огляделся, доктора нигде не было. На пустынной в этот предутренний час Николаевской улице еще горели керосиновые фонари почти невидимыми огнями.

Летняя заря занималась. С моря дул прохладный ветерок и доносил соленый запах. Но ротмистру было не до поэтических наблюдений. Его грызло опасение упустить свой выигрыш. Он поплелся в гостиницу, в сотый раз упрекая себя за неосторожность.

А в восьмом часу в его номере сидел высокий и красивый старик с патриаршей бородой, отец доктора, известный в городе ростовщик и богач, и вел разговор с офицером, так и не ложившимся спать:

— Вы хотите получить выигрыш. Хорошо. Вы хотите, чтобы мой сын переделал санаторий на вас. Отлично! Но, может быть, вы не знаете, что санаторий юридически принадлежит мне? Нет, не надо падать в обморок, это жё факт. Словом, хотите пять тысяч наличными в обмен на вашу расписку о получении восьмидесяти? Нет? Тогда до свиданья. Я с вами на санаторий не играл и отдавать его не собираюсь. В суд? Идите в суд, вас там засмеют. Ну хорошо, если вы такой жадный, хотите шесть тысяч? Последнее слово — шесть с половиной! Ну?

— Восемь, — блеющим голосом сказал ротмистр. У него впервые в жизни кружилась голова.

— Семь, и ни копейки больше. Имейте в виду, я могу раздумать. И что вы тогда, господин офицер, будете делать, а?

Кончили на семи с половиной. Старик полез в нагрудный карман длинного сюртука, вытащил толстенный бумажник, послюнявив пальцы, отсчитал семь с половиной тысяч рублей и выждал, пока зеленый от злости ротмистр написал расписку о получении от доктора Гордона в полное покрытие выигрыша восьмидесяти тысяч рублей. Взяв расписку, аккуратно положив ее в бумажник и спрятав его, старик с явным презрением бросил на стол деньги и, не прощаясь, повернулся к двери.

Вернувшись домой, он сказал трепещущему сыну-доктору, что уплатил за расписку десять тысяч и взял у ротмистра вексель на одиннадцать тысяч сроком на год. Доктор был вполне платежеспособен в пределах такой суммы!

Консул республика Эквадор

Греческий мужской монастырь, старинное мрачное здание с большим подворьем, был основан в Таганроге богатым греком Варваци.

Против монастыря в центре площади стоял за чугунной оградой памятник «Александру Благословенному» работы Мартоса. У ног чугунного императора крылатые ангелы символизировали «ангельский характер» Александра Павловича, который, как известно, «всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге».

В пасмурный ноябрьский день 1825 года набальзамированное тело умершего царя, перед отправкой в Петербург, ненадолго перенесли в монастырскую церковь. Гнусавый монашеский хор пропел приличествовавшие обряду печальные песнопения.

С того дня прошло много десятилетий. Но седобородые настоятели никогда не забывали в пышных посланиях к щедрым жертвователям упомянуть о прощальном визите, нанесенном монастырю умершим императором. А со временем дело было повернуто уже таким образом, что за монастырской оградой будто бы похоронены сердце и желудок царя.

Доброхотные приношения купечества текли в монастырскую кассу неиссякаемым ручьем.

За полукруглым, подковой, фасадом вмещались десятки келий, тесных, душных, с одним узким окном каждая. Послушники и монахи попроще, из беглых греческих солдат или матросов, жили в келье по двое и по трое. Монахи пообразованнее, а тем более немногочисленные иеромонахи, то есть монашествующие, имевшие одновременно и священнический сан, располагались комфортабельно, по одному.

Старец Вронди

В парадном гимназическом зале сияла газовыми рожками огромная люсгра, пахло смесью духов и светильного газа.

В первых рядах перед низкой эстрадой чинно сидели почетные гости, а дальше было сплошное синее море гимназических мундирчиков, кое-где белевшее, точно бурунами, парадными передниками гимназисток…

Убедившись, что и директор и многие другие почетные лица меньше всего склонны к продолжению концерта, Павел Иванович отдал распоряжение сдвинуть в зале стулья и начать танцы…

Вронди стоял в центре зала, как безвкусно сделанная статуя, в наглухо застегнутом черном сюртуке с потертыми шелковыми отворотами и в белых нитяных лакейских перчатках. Левой рукой, согнутой в локте, старец прижимал к груди надраенную мелом каску и громко, отчетливо командовал:

— А-гош — налево! А-друат — направо!

И вот уже закружились по залу юные пары. Гимназисты и гимназистки танцевали истово, без улыбки, точно выполняя нужное и ответственное дело.

Вошли в круг танцующих и взрослые. Полицеймейстер Джапаридзе, расправив седые бакенбарды, совершенно такие, как на портрете Александра Второго, склонился перед супругой миллионера Неграпонте и повел ее в медленном вальсе, скрывая одышку. Вальсировал молодой преподаватель истории Дмитрий Павлович Дробязко со своей красавицей женой. Уже установился благополучный ритм бала, и только еще шушукались по углам пожилые матроны на том удивительном греко-украинско-русском языке, который составлял особенность Таганрога…

Инженер Свиридов

Путь из Таганрога на Русско-Балтийский завод лежал недалеко от моря. У развилки надо было повернуть направо, по немощеной, вновь проложенной улице, мимо жилых домиков, крытых соломой. А если повернуть налево — дорога вскоре приведет к обрывистому берегу Таганрогского залива, к почти повисшей над кручей беседке, где когда-то бывал царь Александр Первый.

Главный инженер снарядного цеха Русско-Балтийского завода Иван Павлович Свиридов в это раннее летнее утро ехал на службу в казенной тряской пролетке. Уже прошло три года со времени его переезда вместе с заводом с севера в Таганрог..

На второй день приезда в Таганрог капитан Кляйвель поехал в гостиницу «Европейскую», где расположились секретные учреждения штаба Деникина…

Коляска уже подъезжала к длинному двухэтажному зданию гостиницы «Европейской»…

Октябрь в январе

В конце января 1918 года из пригородов Таганрога — Новостроенки, Камбициевки, Касперовки — двинулись вооруженные рабочие устанавливать в городе рабоче-крестьянскую власть.

Дело Вальяно

В восьмидесятых годах прошлого столетия Таганрог бойко торговал с заморскими странами. Вывозилась главным образом пшеница, ввозились вина, шелка, кофе в зернах, прованское масло.

В долгий период навигации таможенным чиновникам некогда было вздохнуть: то и дело приходилось спешно плыть в баркасе на рейд, за двадцать верст от берега, на глубокую воду, где только что бросил якорь заграничный пароход, и проверять, считать, мерить и взвешивать драгоценный груз, начислять пошлины и сборы…

Частенько чиновники, услышав призывный гудок парохода, встречали в порту скромного молодого человека с черными усиками и изящной курчавившейся бородкой.

Молодой человек угодливо раскланивался, снимая за несколько шагов соломенную шляпу-панаму, и любезно откликался на любую речь: французскую, итальянскую, греческую, турецкую. Это был Вальяно, портовый маклер, рыскающий с утра до вечера по накаленным от летнего жара плитам набережной в поисках покупателя, товара и продавца — все равно! — лишь бы заработать «комиссию».

Потом, как-то вдруг, неожиданно и загадочно, Вальяно превратился из суетливого комиссионера в солидного «купца. В его адрес стали приходить морем небольшие партии духов из Франции, маслин и прованского масла из Греции («барабанского», как его здесь

называли). Вальяно потолстел и стал медлителен в речи и в походке. При встрече с ним таможенные кланялись первыми.

А еще немного позже получилось так, что имя Вальяно стало значиться чаще других в морских коносаментах. Поставщики слали ему грузы уже целыми пароходами и баржами.

Вальяно сказочно быстро богател, по никто очень долго не мог понять, каков источник его богатств.

А когда это стало ясным, Вальяно был так богат, что уже не боялся разоблачений.

И до Вальяно были крупные контрабандисты. Они ввозили шелка и пряности в двойных чемоданах, в бутылях с фальшивым дном, даже в головных уборах.

Но Вальяно был контрабандистом особого рода: он ввозил запрещенные товары целыми пароходами вовсе не для того, чтобы их продать, обойдя запрет, а для того, чтобы потопить на самом законном основании.

Существовало таможенное правило: после того как чиновники проверят груз и исчислят пошлину, грузовладелец был вправе или, оплатив пошлину, забрать с парохода товар, или же, отказавшись от оплаты, потопить весь груз на рейде. Акт о потоплении груза подшивался к делу, и пароход, погудев на прощание, уходил в обратный рейс.

Каждый раз, когда хлопотливые таможенные чиновники, проверив груз, адресованный Вальяно, объявляли ему сумму пошлин и сборов, Вальяно неизменно заявлял об отказе выкупать груз.

— Топить? — деловито спрашивал ко всему готовый капитан.

— Топите, — равнодушно отвечал Вальяно.

Тотчас заполнялся «бланк отказа грузовладельца от принятия груза». А ночью производилось потопление. Ночью, а не днем: в благоразумно составленной инструкции топить в море ценные грузы рекомендовалось «затемно, дабы местные рыбаки не покусились на потопляемые товары».

Надо ли пояснять, что в действительности никакого «потопления» не было и что, сэкономив на каждом пароходе тридцать — сорок тысяч рублей пошлины, Вальяно уделял две-три тысячи загребущим таможенным, а груз извлекал не со дна Азовского моря, но получал сполна с борта парохода!

У Вальяно была зафрахтована целая флотилия турецких фелюг — плоскодонных вместительных лодок, незаменимых на этот случай. По ночам бесшумно скользили они по морской глади с рейда, а потом — по мелководью в тихую заводь, где глубоко сидящему судну не пройти, как раз к тому месту у берега, откуда начинался подкоп — туннель, ведущий в гулкие подвалы особняка Вальяно на Приморской улице.

Товар в подвалах не залеживался: оборотистый негоциант сбывал его с прибылью оптом местным крупным бакалейщикам Кулакову, Лысикову, Кумаии… От каждого «потопления» Вальяно опускал в карман полсотни тысяч рублей. Далеко ли было от нищеты до двенадцатимиллионного капитала, скопленного им к моменту разразившейся катастрофы?

В Таганрог прибыл новый прокурор окружного суда, снедаемый жаждой быстрой, головокружительной карьеры. Очень скоро прокурор узнал все подробности о самом богатом таганрогском купце и о том, как он разбогател. Для этого прокурору вовсе не требовались особые таланты: любой мальчишка в городе отлично знал всю историю ночных потоплений и с закрытыми глазами мог указать место на берегу, где начинается подкоп в дом Вальяно…

А тут явился прокурор, неподкупный, как статуя Командора. Неподкупность его, как вскоре убедился Вальяно, была самого зловредного свойства. Не из бескорыстия и равнодушия к благам земным решительно отклонил прокурор разговор о «займе на ремонт дома», затеянный посланцем Вальяно, его адъютантом и телохранителем Жорой Скарамангой, а из расчетливой надежды «громким процессом» быстро добиться служебного преуспевания.

У большого здания окружного суда с раннего погожего сентябрьского утра собралась толпа. В восемь часов прискакал конный отряд полиции и, наезжая храпящими мордами взмыленных лошадей на толпу, оттеснил любопытствующих от главного входа, с Петровской улицы. Ровно в девять в здание суда вошел высокий, сухопарый прокурор с бритым невыразительным лицом. Подъехал в собственном экипаже председатель, пешочком пришли члены суда, за ними потянулись присяжные заседатели — местные купцы и мещане, бородатые, каменнолицые. Не здороваясь со знакомыми, в сознании своего особого положения, как бы отделяющего или даже отрешающего их от всего остального человечества невидимой преградой, они протискивались в узкую дверь. Потом, провожаемые завистливыми взглядами, чинно, не толпясь, стали заходить счастливые обладатели входных билетов, розданных вчера канцелярией председателя. Последним вошел сухонький, хилый старичок в цилиндре — петербургская знаменитость, присяжный поверенный Пассовер…

Пока длился допрос свидетелей, суетливость проявлял один лишь прокурор. Он спрашивал и переспрашивал, с аффектацией просил председателя занести в протокол полученные ответы, бросал на защитника победоносные взгляды…

Что касается Пассовера, то, к удивлению всех присутствующих, ожидавших, что приезжая знаменитость станет сбивать и путать свидетелей, он упорно молчал. С равнодушным видом откинувшись на спинку стула, адвокат скучающе посматривал по сторонам; моментами казалось, что он вот-вот заснет. На вопросы председателя: «Не имеете ли, господин защитник, спросить свидетеля?»— он, вежливо приподнимаясь, неизменно отвечал:

— Нет, не имею.

Раз или два в публике перехватили при этом недоумевающие взгляды председателя, которыми он обменивался с членами суда. Однако дело шло своим чередом, судебная машина катилась по рельсам без толчков и остановок.

Вот уже начал обвинительную речь прокурор.

— Господа судьи, господа присяжные заседатели, — заметно волнуясь, сказал он, — доказано ли, что подсудимый Вальяно систематически перевозил на турецких фелюгах ценную контрабанду? Да, доказано!

В дальнейшем прокурор исчерпывающе обосновал этот решающий тезис обвинения. Надо было отдать ему справедливость — его трехчасовая речь выглядела как хорошо построенная теорема: а) груз прибывал в адрес Вальяно; б) не оплаченный сборами груз перегружался на фелюги; в) груз на фелюгах подвозился к подкопу в дом Вальяно. Значит, Вальяно — контрабандист. Теорема доказана, садитесь, подсудимый, на три месяца в тюрьму и выкладывайте на стол двенадцать миллионов рублей. Присяжные внимательно и с явным сочувствием слушали обвинителя. А трое подкупленных являли вид неподкупности. Зритель, напрактиковавшийся в предугадывании решений присяжных, мог бы на этот раз не слишком напрягать свой талант: будущий обвинительный вердикт был написан на посуровевших лицах заседателей.

— Слово предоставляется защитнику подсудимого Вальяно, господину присяжному поверенному Пассоверу!

У «старичка» неожиданно оказался звучный, хорошо, как у певца, поставленный голос, сразу заставляющий слушателей насторожиться. Впрочем, по сравнению с прокурором защитник был необычайно краток. Говорил он минут пять-шесть, не больше:

— Вальяно ввозил товары, не оплаченные сборами, на турецких фелюгах? Да, господин прокурор это блистательно доказал, и я, защитник, опровергать эти действия подсудимого не собираюсь. Но составляют ли эти действия преступление контрабанды, вот в чем вопрос, господа судьи и господа присяжные!

Тут Пассовер сделал чисто сценическую паузу «торможения», и все, затаив дыхание, замерли. Прокурор заметно побледнел. Пассовер поднял глаза к потолку и,

точно читая на пыльной лепке ему одному видимые письмена, процитировал наизусть разъяснение судебного департамента сената с исчерпывающим перечислением всех видов морской контрабанды: лодки, баркасы, плоты, шлюпки, яхты, спасательные катера.

Упоминались в качестве средств для перевозки контрабанды даже спасательные пояса и обломки кораблекрушения, даже пустые бочки из-под рома, но о турецких плоскодонных фелюгах не упоминалось!

— Между тем, господа судьи и господа присяжные, — с вежливым вздохом по адресу обомлевшего прокурора сказал затем Пассовер, — вам хорошо известно, что разъяснения правительствующего сената носят исчерпывающий, да, именно исчерпывающий характер и распространительному толкованию не подлежат. А поэтому… Он чуть-чуть повысил голос.

— …поскольку подсудимый Вальяно перевозил свои грузы, на чем особенно настаивал господин прокурор, именно на турецких фелюгах, а не в бочках из-под рома, например, в его действиях нет, с точки зрения разъяснения сената, признаков преступления морской контрабанды, и он подлежит оправданию.

Перед тем как сесть, Пассовер в наступившей мертвой тишине добавил совсем смиренно:

— А если бы вы, господа, — чего я не могу допустить, — его не оправдали, ваш приговор все равно будет отменен сенатом, как незаконный и впавший в противоречие с сенатским разъяснением…

…Через час из зала суда Вальяно уходил оправданным.

— На фелюге выплыл, — едко сказал молодой человек в форме преподавателя гимназии.

Дуэль

Все дуэли описываются таким образом: сначала в условленное место приезжает один из дуэлянтов и долго с обидой ждет, пока появится второй, обязательно верхом на горячем англо-арабе.

Но тут случилось так, что три извозчичьи пролетки одновременно выехали на широкую аллею, которой начиналась расположенная в трех верстах от города дубовая роща.

По преданию, «Дубки» были насажены Петром Первым. Таганрожцы особенно гордились вниманием, которое не в пример другим провинциальным городкам обширной Российской империи — оказывали Таганрогу императоры и иные знатные лица…

В ранний утренний час среди царственных дубов три извозчичьи пролетки медленно ехали одна за другой, извозчики весело перекликались.

Проезжая дорога вилась спиралью меж мощных дубов и заканчивалась широкой утоптанной площадкой. Здесь по воскресеньям пили водку, обнимались, клялись в вечной дружбе, дрались в кровь, ругались хриплыми голосами.

Но теперь, в этот ранний час, на площадке, окруженной, как часовыми-великанами, столетними деревьями, было тихо и пустынно. Кое-где в примятой траве валялась битая «казенная» посуда и яичная скорлупа. Воздух был чист и ароматен. Издали доносился тонкий свист паровоза...